

Рецензии

Е.А. Подшивалова

ДВА ИССЛЕДОВАНИЯ О ЦЕЛОСТНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-5-896-900

В рецензии речь пойдет о монографиях Я.И. Кормана «Энциклопедия творчества Владимира Высоцкого: гражданский аспект» (Ижевск: Удмуртия, 2018, 1348 с.) и Г.М. Ребель «Тургенев в русской культуре» (М.; СПб.: Нестор-История, 2018, 376 с.). Оба исследователя проявляют интерес к целостности художественного мира изучаемых авторов и стремятся вписать их творчество в отечественный литературный контекст.

* * *

Монография Я.И. Кормана энциклопедична прежде всего по охвату материала. В поле зрения попали все опубликованные поэтические произведения В. Высоцкого с учетом их вариантов, а также фонограммы и рукописные тексты. В них выделена одна стержневая тема – взаимоотношения поэта и власти. Обосновывая именно такой ракурс восприятия и интерпретации поэзии В. Высоцкого, Я.И. Корман ссылается на биографический опыт актера, поэта и барда, подтверждает этот опыт многочисленными свидетельствами современников, оставленными в документах и воспоминаниях, а также личными высказываниями Владимира Семеновича. Не смотря на обилие использованного мемуарного и документального материала, книга не оставляет впечатление традиционного историко-литературного исследования, построенного по принципу «жизнь и творчество». Стоит прежде всего отметить, что конфликт творческой личности и власти рассматривается не только как поэтически отображенный индивидуальный опыт, но и в социально-историческом ракурсе – как опыт поколения и даже шире – как общенациональный, метаисторический опыт. Отсюда совершенно оправданный теоретический посыл исследователя, считающего, что между лирическим и ролевым героями в поэзии В. Высоцкого нет абсолютной дистанции, что и тот, и другие оказываются вариантами инвариантного авторского сознания, которое высказывается и от «я», и от лица разных людей. «Я уж не знаю, где кто», – цитирует Я.И. Корман признание В. Высоцкого, сделанное в интервью радио Италии 09.07. 1979 г. В результате переживающий социальное неблагополучие и личностную неостребованность человек мыслится неотделимым от других, – полностью, либо частично подобных ему. Отсюда трансформация личной биографии в социальную биографию. А следовательно, и невозможность традиционного историко-литературного описания, где рассматривается биография творческой индивидуальности в соотношении с художественными произведениями. Такой подход к привел к необходимости терминологических уточнений. Совершенно справедливо Я.И. Корман именуется ролевые стихотворения В. Высоцкого «так называемыми ролевыми» [С. 6 и далее] и, интерпретируя их, использует термин формально-ролевая лирика. По этой же причине применительно к повествовательным стихотворениям, где героями являются другие люди, он употребляет термин формально-повествовательная лирика.

Данный способ субъектной организации текста, при котором автор и герои оказываются в позиции неразрывной и неслиянной связи, В. Высоцкий наследует у художников предшествующей исторической и культурной эпохи, прежде всего у А. Платонова и О. Мандельштама, провозгласивших: «...а без меня народ неполный» и «Я человек эпохи Москвошвее». В конце 1960-х – в 70-е гг. Высоцкий поэтически убедительней многих своих современников таким же образом описал человека, видя в нем представителя народа (разных социальных слоев) и эпохи. И Я.И. Корман своим объемным исследованием подтверждает это.

Энциклопедичность рассматриваемой монографии отражена и в принципах ее построения. Не только поэзия В. Высоцкого со всеми ее вариантами и формами бытования стала объектом исследования, но и проблема «художник и власть». Я.И. Корман освещает ее в различных ракурсах. Он начинает с биографического опыта поэта. В первой главе описано, по каким причинам и как формировалось отношение Высоцкого к Ленину и какая у поэта в итоге сложилась оценка вождя, советского

строю и представителей коммунистической идеологии. И тут же показано, что это формируемое отношение определяло тематику стихотворений, отраженное в них мироощущение, судьбу лирического и ролевых героев. Во второй главе конфликт поэта и власти показан уже не как формируемое мироотношение, а как биографический опыт людей, вынужденных жить в государстве с двойной системой ценностей, с девальвированной идеологией и режимом насилия и подавления личности. Объясняется выбор поэтом в ранней лирике тюремно-лагерной тематики, ролевой маски зека и соответствующей им мотивики и лексики. Показано, как трансформируется тема социального и идеологического насилия в последующем творчестве. При этом каждое стихотворение вписано в широкой контекст того времени, о котором там говорится. Темы, образы, мотивы, лексика, используемая Высоцким, соотносятся с конкретными ситуациями и текстами – от газетных до фольклорных, от принадлежащих другим авторам до собственных художественных и частных, являющихся личными документами.

В этом же ключе и подобным же образом рассмотрены стихотворения с алкогольной, спортивной, военной, тематикой, темой заключения в сумасшедшем доме. Во всех этих произведениях выделены мотивы борьбы, сопротивления, душевного и физического рывка/надрыва и вместе с тем душевной усталости и деформации человека системой, что проявляется в привычке к насилию и более того – в усвоении последнего как нормы общественной жизни. Так тема поэт и власть приводит к теме толпа и власть. Я.И. Корман показывает, что в поэзии В. Высоцкого, как и в прозе С. Довлатова, грань между государством и тюрьмой четко не прочерчена, а личная свобода человека постоянно оказывается под угрозой, которая исходит от власти, от социума и может привести к самоцензуре, к личностной самонегации..

Рассматривая фольклорную тематику в творчестве В. Высоцкого, Я.И. Корман показывает, что для поэта конфликт человека и власти лежит в глубине отечественной истории и определяет ментальные черты российского человека. Правда, на наш взгляд, несколько прямолинейно сделана историческая проекция образов в стихотворении «Лукоморья больше нет».

Вторая глава в монографии является самой объемной, потому что конфликт с властью, по мысли исследователя, обнаруживается в стихотворениях с самой разной тематикой, он тотален, потому проявляется во всех областях жизни человека, роковым образом влияет на нее.

Третья глава «Тема пыток» по сути продолжает предыдущую, вписывается в нее и тематически, и по способу освещения художественного материала. Автор книги выделяет эту тему в отдельную главу, т.к. она объемна в творчестве В. Высоцкого и ее интерпретация потребовала привлечения большого количества текстов. Из них извлекается многозначное представление о понятии «пытка». Рассмотрение большого количества текстов позволяет Я.И. Корману систематизировать фигурирующие в них образы, относя их к двум категориям – «палачей» и «жертв». Такая систематизация открывает читателю много неожиданных параллелей и интересных сопоставлений в плане целостного восприятия творчества поэта и проекции его на художественные тексты разных эпох.

Рассматривая поэзию В. Высоцкого сквозь призму отраженного в ней конфликта поэта (шире – человека) и власти, Я.И. Корман выделяет в самостоятельные главы еще две темы: тему судьбы и тему двойничества. Освещая первую, исследователь большое внимание уделяет песне «Две судьбы», изыскивая источники ее образов. Он отмечает текстуальное и смысловое отождествление судьбы с образом любимой женщины. Но более интересно и развернуто представлена связь между образами двух судеб и образами, в которых воплощается государственная власть. В монографии показана динамика образа судьбы и отношения к ней в творчестве В. Высоцкого (от сопротивления до признания, следствием чего является испытываемое субъектом речи чувство тоски). Анализируя конфликт с властью в стихотворениях, объединенных темой двойничества, Я.И. Корман дифференцирует последнее, выделяя в стихах Высоцкого позитивный и негативный смысл этого состояния. Он показывает, что во многих текстах описана борьба лирического героя со своими внешними и внутренними отрицательными двойниками и стремление к единению с положительными. Последних он наделяет своими чертами, а первые представляют собою персонификацию советской власти.

В основной текст монографии включена глава «Романы “Двенадцать стульев” и “Золотой теленок” как литературные источники произведений Высоцкого». В ней представлены текстуальные, образные и мотивные соответствия «энциклопедии советской жизни» (как назвал диологию И. Ильфа и Е. Петрова Ю.К. Щеглов) и стихов В. Высоцкого. На наш взгляд, эта глава уместнее бы выглядела в Приложениях. Там как раз говорится о литературном контексте, о соотношении поэзии В. Высоцкого с творчеством О. Мандельштама, И. Бродского, В. Ерофеева и официальных поэтов. Если романы

Ильфа и Петрова рассматриваются как литературный источник некоторых образов и лексических формул В. Высоцкого, то поэзия О. Мандельштама и И. Бродского, а также поэма Вен. Ерофеева анализируются с точки зрения соответствий. Здесь указаны конкретные тексты поэтов, в которых обнаруживаются схожие образы и мотивы, словесные формулы. Исследователь проявляет интерес и к межличностным отношениям В. Высоцкого с современниками (в частности с И. Бродским, А. Вознесенским, Е. Евтушенко и др.).

Монография Я.И. Кормана позволяет читателю сформировать исчерпывающее представление о том, как гражданская позиция В.С. Высоцкого отразилась в его текстах, какие жизненные ситуации, документальные и литературные источники повлияли на ее формирование, в какой контекст вписывается поэт, разрабатывая эту тему, как она развивается при отсутствии творческой эволюции автора и в чем специфика «поэтики гражданственности» в его творчестве. Именно поэтому исследователь назвал свой труд энциклопедией.

* * *

В монографии Г.М. Ребель описана эстетическая и этическая задача, определяющая суть творчества И.С. Тургенева. Исследователь исходит из характеристики, которую дал писателю Д.С. Мережковский – «гений меры» – и показывает, как эта точная формула отражается в мироотношении И.С. Тургенева и в поэтике его произведений. Для этого автор книги анализирует самый способ художественной оценки, свойственный И.С. Тургеневу, и принципы жанровой организации его прозы. Писатель, по мнению Г.М. Ребель, уходит от крайностей в идеологических спорах с современниками и при формировании оценки идеологических позиций и – шире - мироотношения героев своих произведений, что является его этическим принципом. Решая эстетические задачи, он вводит жанровую меру в русскую прозу, точно определяя границы рассказа, повести и романа. Этическая и эстетическая задачи воплощаются в его творчестве как требующая решения целостная этико-эстетическая проблема, существующая в русской культуре и исторической жизни середины XIX в. с явно обозначившимся социальным кризисом, с поисками идеологических и художественных векторов развития.

Для Г.М. Ребель проза И.С. Тургенева «представляет собой уникальную художественную целостность» [С. 13], в которой сосуществуют все жанры данного литературного рода. Впервые в русской литературе писатель создал серию романов, развил отдельные романские мотивы в повестях, рассказы объединил в цикл и завершил свою работу циклом прозаических миниатюр – стихотворений в прозе. Подчеркивая не случайность, а осознанность этой деятельности, исследовательница говорит о жанроопределяющей стратегии Тургенева. Первая глава ее книги называется «Творческая стратегия», она посвящена описанию «уникальной целостности» прозаического наследия писателя.

Начинается данная глава с рассмотрения писем И.С. Тургенева 1847–1850 гг., адресованных П. Виардо и оставленным в России друзьям по литературному цеху. Г.М. Ребель ставит письма вровень с художественным наследием писателя. В них представлены многообразные жанры, некоторые из них впоследствии войдут в его прозу: дневник, лирическая исповедь, зарисовки с натуры, философские миниатюры. Письма она определяет характерным жанровым признаком – жизнь-как-роман, – который в дальнейшем зеркально отразится в обозначении жанровой специфики тургеневского романа: роман-как-жизнь. Письма ценны и тем, что отражают процесс самоопределения личности. Ребель считает, что именно за границей сложилось целостное свободное от догм мировоззрение И.С. Тургенева. В эпистолярном жанре он приобретает опыт самовыражения. Создавая параллельно рассказы, Тургенев в письмах формирует и свои эстетические принципы, отчитываясь друзьям о работе и оценивает свои художественные опыты.

Считая период 1847–1850 гг. весьма важным в творческой жизни И.С. Тургенева, Г.М. Ребель формулирует, что именно тогда сложился художественный метод Тургенева, который она называет романтическим реализмом, что писатель ввел в литературу в качестве объекта изображения и субъекта речи и сознания крестьянина – нового героя русской литературы, нашел фигуре «лишнего человека» две архетипические разновидности – Гамлет и Дон Кихот, проторил художественные пути Достоевскому и Чехову, изображая «неведомые глубины человеческой души», заложил основы психологической драмы.

Во второй главе монографии речь идет о жанре рассказа. Объектом анализа стало произведение И.С. Тургенева «Живые мощи», включенное в позднее (1874 г.) издание цикла «Записки охотника». Это добавление к сложившемуся циклу было необходимым по причине домысливания, дописывания

И.С. Тургеневым своей концепции жизни и человека. Г.М. Ребель показывает, что писатель уходит от социального взгляда на «крестьянский вопрос». В «Живых мощах» разделенные происхождением герои едины по своему родовому признаку и по принадлежности к национальному миру. Поэтому беседа крестьянки и барина превращается в экзистенциальное событие – во встречу двух людей, в их со-бытие, наполненное сущностными проявлениями человека – «высказыванием» и «вслушиванием». Героине-крестьянке, Лукерье, передает И.С. Тургенев «выношенную личным опытом универсальную формулу человеческого бытия» [С. 54].

В третьей главе проанализирована повесть «Ася». И здесь, как и в предыдущей главе, разговор о жанровой разновидности тургеневской прозы оборачивается формулированием этической позиции писателя. Ася соотносится с пушкинской Татьяной как с неким национальным инвариантом духовного склада героини русской классической прозы. Г.М. Ребель показывает, что вопрос о счастье И.С. Тургенев переводит в социально-психологический план. Для пушкинской героини оно невозможно по этическим соображениям, для тургеневской – по социально-психологическим. Отмечая, что максималистке Асе необходимо немедленное счастье, чтобы компенсировать свою социально-психологическую ущербность, Г.М. Ребель пересматривает оценку героев, данную Добролюбовым в статье «Русский человек на rendez-vous» и транслируемую множеством тургеноведов. Герой повести рассматривается не как «постепеновец» и «выжидатель», а как человек, предпочитающий волюнтаристскому взнузданию судьбы ее естественное органичное течение. Ему важно не скоропалительное действие, а самопроизвольный жест созревшего чувства и решения. Драма героев, по мнению исследователя, состоит в том, что они люди разного психического строя. Но этот вывод экстраполирован и на духовный опыт самого писателя. Поэтому повесть не заканчивается сценой объяснения и разлуки. Г.М. Ребель считает, что Тургенев в «Асе» описывает драму эмоционально-психологического несовпадения любящих друг друга мужчины и женщины, несовпадения их человеческих устремлений и объективного течения жизни. Этим в конечном счете объясняется выраженная здесь мысль о невозможности счастья, о неизбежности утрат.

Четвертая и пятая главы книги посвящены жанру романа. В четвертой говорится о становлении жанровой формы тургеневского романа, в пятой дается ее определение. Говоря о становлении, Г.М. Ребель в качестве материала использует произведения «Рудин» и «Дворянское гнездо». Она показывает, как в первом из них формируется предмет изображения тургеневского романа – личность во всей ее сложности и полноте, представленная с разных точек зрения. Поэтому по ходу сюжета меняются роли героя и его оценки: из Гамлета он превращается в Дон Кихота, а Лежнев негативное отношение к Рудину меняет на симпатию. «Дворянские гнездо» рассматривается как сложившийся тип тургеневского романа, своеобразными чертами которого являются не только многоплановость изображения героя, но и многонаселенность, сюжетная многолинейность, идеологическая направленность и широта охвата действительности.

Давая определение тургеневскому роману, Г.М. Ребель учитывает историко-литературный аспект этой проблемы. По сути она подключается к целому ряду известных литературоведческих мнений, оспаривая либо дополняя их. Кроме того, романное творчество И.С. Тургенева она соотносит с романом творчеством Ф.М. Достоевского, отталкиваясь от мысли о том, что в основе каждого лежит идеологическая составляющая. Различие она обнаруживает в том, что Достоевский пишет идеологический роман-эксперимент, а Тургенев идеологический роман-как-жизнь.

Во второй части книги рассмотрена творческая полемика И.С. Тургенева. Она представлена как диалог писателя с современниками – Достоевским и Толстым и как отражение его творчества в творчестве Чехова.

В шестой главе показано несовпадение художественного мировидения Тургенева с социально-политической его интерпретацией. Речь идет о прочтении романа «Накануне» Н.А. Добролюбовым и о той концепции жизни, которая определяет характеры героев, их оценки и судьбы, сюжетное развитие в произведении. Акцентируя внимание на философии жизни Тургенева, Г.М. Ребель показывает, что в этом произведении по сути продолжена мысль о необъяснимой трагичности жизни, заложенная в повести «Ася». Ее внимание привлекла сюжетная немотивированность смерти Инсарова и бесследное растворение Елены в мире, т.е. невоплощенность социально-активных героев произведения. Исследовательница считает это вполне закономерным для Тургенева: «Чем масштабнее и ярче герой, чем дерзостней его претензии, чем мощнее его социальная активность, тем очевиднее, что “от судеб защиты нет”, что стихия всевластна» [154]. По ее справедливому мнению, Инсарова убила счастливая любовь, разрушив цельность его социально-активной натуры, внеся в нее другие жизненные обертоны.

Седьмая глава посвящена личным отношениям Тургенева и Достоевского и их отражению в «Бесах» Достоевского. Г.М. Ребель показала, что Достоевский выразил в произведении двойственную оценку своего старшего современника: человеческое раздражение против Тургенева вылилось в карикатурном образе Карамзинова, но как художник, чьи разногласия с нигилистами были прежде всего «стилистическими», Достоевский создает фигуру Степана Трофимовича, который «необходим», в чьих монологах слышатся реминисценции из прочитанных писателем романов Тургенева.

В восьмой и девятой главах продолжается разговор об отношениях Тургенева с Достоевским, правда уже в контексте Пушкинского праздника и их Пушкинских речей. Расширено и само диалогическое поле, включающее теперь третью фигуру – Л. Толстого. Здесь Г.М. Ребель особенно наглядно показала, какое место в русской культуре принадлежало И.С. Тургеневу. В сложных отношениях со своими современниками он был нацелен не на противостояние, а на гармонию, на соблюдение этической меры. Потому в Пушкинской речи выразил позицию не пророка, а учителя, уступив пальму первенства Достоевскому, и понял мотивы Л. Толстого, отказавшегося участвовать в Пушкинском празднике.

В десятой и одиннадцатой главах описан отзвук тургеневского наследия в чеховском творчестве, рассмотрено, как мировоззренческая и художественная традиции проявлены через тургеневского героя (Базарова) и героиню («тургеневскую девушку»). Такая постановка вопроса заслуживает внимания потому, что еще В. Маяковский в статье «Два Чехова» представил писателя разрушителем тургеневской традиции и эта оценка получила продолжение в чеховедении. Г. М. Ребель показала поведенческую и этическую близость Чехова и Базарова. Под ее пером Чехов предстал как базаровский тип, осуществленный в русской жизни, ценящий человека по его «делу», но не отвергающий экзистенциального опыта личности. «Тургеневская девушка» в творчестве Чехова изображена полемично, как книжный, умозрительный идеал, усвоенный чеховскими героинями. Развертывая эту мысль, исследователь оперирует рассказами «Попрыгунья», «Рассказ неизвестного человека», «Дом с мезонином», «Невеста». В завершение размышлений о тургеневских героях и чеховском творчестве Г.М. Ребель делает вывод, сводящий писателей к одной линии развития русской литературы – гармонической, пушкинско-тургеневско-чеховской.

Г.М. Ребель отразила в монографии глубокое понимание личности И.С. Тургенева, его человеческого опыта, душевного склада, воззрений на мир. Она прочитала его прозу как художественное высказывание, имеющее онтологический смысл, как осуществленное предназначение творчески одаренного человека. Поэтому ее книга воспринимается не только умом, но и сердцем, приближает Тургенева к читателю и эстетически, и духовно. Она написана таким проникновенным слогом, что читается как роман, на одном дыхании. За всем этим стоит и гражданская позиция исследователя: И.С. Тургенев для Г.М. Ребель – это человек в его достойнейшем воплощении".

Поступила в редакцию 11.10.2019

Подшивалова Елена Алексеевна,
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: podshlena1@mail.ru

Podshivalova E.A.,
Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: podshlena1@mail.ru